

1-5 июл 1944

А. ЛАДЕЙЩИКОВ

А. П. Чехов и Мамин-Сибиряк

Фамилия автора «Уральских рассказов» нередко встречается в письмах Чехова:

В 1895 г. он пишет Оуворину: «Мамин-Сибиряк... прекрасный писатель. Хвалят его последний роман «Хлеб». Особенно в восторге был Лесков. У него есть положительно прекрасные вещи, а народ в его наиболее удачных рассказах изображается несколько не хуже, чем в «Хозяине и работнике...» «Талантливым писателем называет Чехов Мамин и в письме к Потапенко, писанном в 1903 году.

Чеховская похвала весит тяжело: известно, что взыскательный художник был взыскателем и к другим писателям. А в данном случае важно отметить, что высокая оценка Чехова относится именно к Мамину-Сибиряку как к писателю.

Интересные данные для картины отношений Чехова к Мамину дают полубытовые воспоминания Потапенко о Чехове (см. «Несколько лет с Чеховым», «Нива», 1914 г., №№ 26-28). Они тем более интересны в связи с нынешним 40-летием памяти Чехова. В них запечатлены некоторые общие замечания великого русского писателя об Урале и людях этого края.

Отмечая самобытность, своеобразность Мамин как писателя и человека, Чехов, по свидетельству Потапенко, говорил:

«Я теперь понял, почему он сам такой. Там, на Урале, должно быть, все так же: сколько бы их ни толкали в спину, а они все — зерно, а не мука. Когда, читая его книги, попадаешь в общество этих крепчайшей — сильных, цепких, устойчивых, черномыслих людей — то как то весело становится. В

Сибири я встречал таких, но, чтобы изображать их, надо, должно быть, родиться и вырасти среди них.

В связи с этим нельзя не вспомнить, что именно под впечатлением Урала и Сибири, следуя на о. Сахалин, Чехов написал в письме к сестре М. П. Чеховой: «Боже мой, как богата Россия хорошими людьми».

Чехов говорил в беседе с Потапенко о Мамине:

— А знаешь... я про Мамин. Он в книгах точно такой же, как и в жизни. Тот же чертенок — жирный, плотный, сочный, который тысячу лет может родить без удобрений. Растут на нем дикие травы и злаки, им же несть числа, а в пущине их живут на воле зайцы, стрепеты, куропатки и перепела... Знаешь, когда я читал Маминские писания, то чувствовал себя таким жиденьким, как будто сорок дней и юрок ночей постился...

Разумеется, мы не согласимся с самоуменьшением Чехова, высказанным в последней фразе — она противоставлена величайшей, всегда отличавшей его благородной скромности. Но и при всем учете чеховской скромности, это замечание сохраняет свое значение.

Отношения Чехова к Мамину как к писателю не могут быть ограничены только приведенным выше материалом.

Нам кажется, что автор «Уральских рассказов» — именно «Уральских рассказов» в первую очередь — может и должен быть истолкован как один из писателей, чья поэтика и стиль как-то черпают из подготовили знаменитую, составляющую эпоху в русском искусстве слова, поэтику Чехова.

Вот сопоставление, которое едва ли покажется неинтересным: в прослав-

ленной повести «Степь» 1888 г., где впервые с таким блеском проявилась чеховская поэтика, чеховская манера свежего, смелого, «импрессионистического», т. е. на создание впечатления рассчитанного описания, мы читаем: «маленько будто кто-то чиркнул по небу опичкой — мелькнула фосфорическая полоска и потухла...»

Это — чеховское изображение молнии.

Но у Мамин-Сибиряка в рассказе 1884 г. «На шихане» мы можем прочесть:

«В одном месте чиркнула по небу падавшая звезда, точно кто в темной комнате закинул опичку о стену».

Разве это не «чеховский прием»?

А вот еще примеры из произведений Мамин, написанных ранее, чем определил Чехов со своей поэтикой:

«Из придорожной травы... то и дело взлетали, как ракеты, маленькие птички...» (1883 г. — «Прив. миллионы»); «Редкие капли дождя падали на мокрую листву деревьев, на размякший песок дорожек и на осклизнувшую борщуху с таким звуком, точно кто бросал дробь в воду воробьями». (1884, «Горн. гнездо»). Или, там же: «Громовые раскаты стали слабее и реже, постепенно превращаясь в отдаленный глухой рокот, точно по какой-то необыкновенно громадной эскадрильи». (Ор. у Чехова в «Степи»: «Послышалось, как где-то очень далеко кто-то пропел по железной крыше. Вероятно, по крыше шли босиком, потому что железное проворчало глухо».

Еще несколько примеров:

«Все вдруг как-то разом замерло и стихло, точно в природе разыгрывалась одна из тяжелых семейных драм, когда все со страха боится дохнуть...» («Проза», 1885).

«Характер у Архиповны был злой и одержимый, точно она раз и навсегда расоердилась, что отдала всю свою

молодость и красоту дочери Солоньке» («Перв. студенты», 1887).

«Молодые ели и бережки... походили на гурибу детей, со всего размаха выбежавших на крутизну и отсюда любовавшихся всем, что было ниже». («Лес», 1886 г.).

Последний пример: «Спирька... видел, как солнце бродит по сырой земле золотыми пятнами, точно, что отыскивает». («Озорник»).

Это — первые попавшиеся примеры из наудачу взятых произведений Мамин. И нам кажется, что они — говорят, если не о прямом воздействии Мамин на Чехова (зачем исключать и такую возможность?), то во всяком случае о том, что техника литературного «импрессионизма», так освежившая русское словесное искусство, зарождалась уже до Чехова, и Мамин — не малоизвестный факт зарождения и подготовки этой новой художественной «техники».

Говорят о связи Чехова с Левитаном. Но замечательно то, что и Мамин в юной технике шел от новой русской живописи начала 80-х годов! В одном письме он с восторгом говорит о картинах Ю. Клевера, одного из первых, наряду с Куинджи, русских «импрессионистов», специально отмечая «свежесть» его манеры письма.

Таким образом, в словах чеховских писем по поводу Мамин, «талантливый писатель», «прекрасный писатель» и др. — следует видеть, может быть, смысл несколько больший, чем это может показаться без сопоставления «манер» Мамин и самого Чехова.

Надвигая мы отмечаем 40-летие смерти великого писателя, тончайшего художника русского слова, и нам кажется уместным связать имя этого светила русской литературы с именем писателя, столь дорогого нашему краю — Уралу, тем более, что на эту тему никогда еще не писалось.